

P-174508

Р 174508

М. РОЖКОВА

**ДЕНИС ДАВЫДОВ
ПАРТИЗАН
1812 г.**

**О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОСЛЕДНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1942**

В великой Отечественной войне 1812 г. огромную роль сыграло партизанское движение, тесно связанное с крестьянской войной в тылу армии Наполеона. Лев Николаевич Толстой в своем знаменитом романе «Война и мир» так оценил значение борьбы народа с вторгшимся в страну врагом: «Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой, и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все население»

Какой вред наносили французской армии партизанские отряды и крестьянская война, видно из того, что генералы Наполеона не один раз обращались к Кутузову с предложением прекратить народную войну и партизанское движение и вести военные действия «по правилам». Кутузов отвечал отказом на эти предложения. «Народ, — писал он в ответ французским генералам, — разумеет войну сию насущным татар и, следовательно, считает всякое средство к избавлению себя от врагов не только не предосудительным, но похвальным и священным... Весьма трудно обуздать народ, оскорбленный всем тем, что перед ним происходит, народ, не видавший двести уж лет войны в недрах своего отечества, готовый за него погибнуть и не умеющий различать принятые обычаи от тех, кои отвергаемы в обыкновенных войнах».

Инициатива партизанской войны принадлежала народным массам. С момента перехода армией Наполеона русской границы белорусские и литовские крестьяне, первые став-

шие жертвой грабежей и насилий, поднялись против вражеских полчищ и вступили с ними в жестокую борьбу. Широкие массы встали на защиту чести и независимости Родины.

Подполковник Ахтырского гусарского полка, уже совершивший в прошлом ряд подвигов в войнах с Наполеоном, Швецией и Турцией, Денис Васильевич Давыдов понимал роль народной войны в борьбе с Наполеоном. «Денис Давыдов, — писал Л. Н. Толстой, — своим русским чутьем первый понял значение той страшной дубины, которая, не спрашивая правил военного искусства, уничтожала французов, и ему принадлежит слава первого шага для узаконения этого приема войны».

Правильно оценив силу народного гнева, охватившего население русских сел и деревень, Давыдов поставил себе целью создать партизанский отряд, который, истребляя живую силу, вооружение и продовольствие врага в его тылу, вступил бы в тесное соприкосновение с крестьянской массой и в содружестве с ней наносил бы неприятельской армии жестокие непоправимые удары.

I

К моменту Отечественной войны Денису Васильевичу было 28 лет. Он родился в Москве в июле 1784 г.

Проводя детство в обстановке лагеря и в постоянном окружении военных, так как отец его командовал Полтавским легкоконным полком, Денис Давыдов с ранних лет проявлял страсть к военным занятиям и «верхом блаженства» считал езду на казачьей лошади. «С детства моего, — писал он впоследствии, — я дышал только боевой службой». Героем его детских лет был наш знаменитый полководец Суворов.

В 1793 г., после смотра и маневров корпуса, в который входил Полтавский полк, Суворов посетил дом отца Дениса Давыдова. Денису в то время было 9 лет.

Когда маленький Денис впервые увидел Суворова, сказавшего на коне в лагерь, он пришел в чрезвычайное волнение: «Я помню, что сердце мое упало... Я весь был взор и внимание, весь был любопытство и восторг...»

Суворов подъехал ближе и остановился около Дениса и его брата, стоявших у палатки. Он обратился к мальчику с вопросом: «Любишь ли ты солдат, друг мой?», на это смелый ребенок с восторгом отвечал: «Я люблю графа Суворова; в нем все — и солдаты, и победа, и слава». «О,

Об оппозиционности и независимом характере Дениса Давыдова Вяземский писал в стихотворении «К партизану-поэту»:

На барскую ты половину
Ходить с поклоном не любил
И скромную свою судьбину
Ты благородством золотил.

За свои сатирические произведения в 1804 г. Давыдов был переведен из Петербурга в Белорусский гусарский полк, стоявший в Звенигородке Киевской губернии.

Там он пробыл около двух лет, а в 1806 г. был переведен в гвардейский гусарский полк, стоявший в окрестностях Петербурга, в Павловске.

Во время пребывания в Звенигородке Давыдов продолжал писать стихотворения, посвященные полковой жизни.

В конце 1806 г. снова началась война с Наполеоном, и весть о предполагавшейся кампании дошла до Павловска. Давыдов «как бешеный пустился в столицу», чтобы каким-нибудь способом устроиться в действующую армию. Все его старания были напрасны, он везде получал отказ.

Тогда он решился на поступок неслыханной дерзости: вечером он поехал в Северную гостиницу, в которой остановился назначенный главнокомандующим армии фельдмаршал граф Каменский. Выбор Давыдовым такого неурочного часа объяснялся тем, что Каменского целые дни осаждало множество лиц, хлопотавших о своих родственниках. Приехав в гостиницу, Давыдов пробрался на третий этаж и стал в коридоре около 9-го номера, который занимал фельдмаршал. Он решил стоять здесь до утра, чтобы оказаться первым посетителем.

Вдруг дверь отворилась, и перед Давыдовым появился Каменский в халате, с повязанной белой тряпкой головой и с незажженным огарком в руке. Увидев стоявшего у двери офицера, Каменский остановился. «Кто вы таковы?» — спросил он. Давыдов назвал себя. Фельдмаршал пригласил его в спальню. Узнав о цели посещения Давыдова, он сначала рассердился, а затем, услышав имя отца Давыдова, к которому он дружески относился, смягчился и, подробно расспросив Давыдова о причинах его выхода из гвардии два года назад, обещал просить Александра I о разрешении взять Давыдова с собой. На извинения Давыдова за посещение в такой ранний

час Каменский возразил: «Нет, нет, напротив, это мне приятно, это я люблю, это значит ревность неограниченная, горячая; тут душа, тут сердце... я это знаю, я чувствую!» «Распростясь с фельдмаршалом, — пишет Давыдов, — я возвратился домой с надеждою на успех. Сердце мое обливалось радостью, чад бродил в голове моей; уже я командовал полком, уже я решил важное сражение и едва ли не победителем Наполеона бросился на постель, на коей не мог сомкнуть глаз от душевного волнения».

Однако и тут ожидания Давыдова были обмануты. Александр I не согласился на просьбу Каменского. Отчаявшемуся Давыдову удалось поступить адъютантом к генералу Багратиону. Он с радостью переехал русскую границу. Вспоминая впоследствии о своем прибытии в Морунген накануне выступления армии в поход, он восклицает: «Наконец я попал в свою стихию!»

Первое сражение, в котором участвовал Давыдов, было под Вольфсдорфом. «Вольфсдорфское дело было первым боем моего долгого поприща, — писал в своих воспоминаниях Давыдов. — Не забуду никогда нетерпения, с каким я ждал первых выстрелов, первой сечи!» Здесь, в этом первом бою, Давыдов благодаря своему молодечеству чуть не попал в плен к неприятелю. Он попросил Багратиона отпустить его в первую цепь и прискакал к казакам, перестреливавшимся с французами. Увидав ближайшего к себе французского офицера, он задумал взять его в плен и уговаривал казаков напасть на неприятеля, но казаки, по словам Давыдова, «только что не смеялись над рыцарем, который упал к ним, как с неба, с таким безрассудным предложением». Тогда Давыдов один подскакал к офицеру на близкое расстояние и выстрелил в него. В ответ посыпались пули француза и его товарищей. Тут Давыдов «гордо взглянул на себя, окуренного уже боевым порохом», и, громко ругая французского офицера, стал вызывать его на поединок. В это время к нему подскакал казачий урядник и начал уговаривать его ехать обратно. «Тут только я очнулся, — вспоминает Давыдов, — и, почувствовав всю нелепость моей пародии на троянских героев, возвратился к князю Багратиону». Однако, посланный Багратионом с поручением по линии, он опять возвратился в передовую цепь и опять предложил казакам напасть на стоявших напротив французов. Казаки на этот раз согласились, так как теперь от них недалеко была пехота, которая могла их

поддержать; «цепь вся гикнула и дружно бросилась в сечу», французы отступили, но при погоне за ними казаки во главе с Давыдовым неожиданно встретились с французскими драгунами и принуждены были спасаться бегством. Возвращаясь один к Багратиону, Давыдов столкнулся с небольшим отрядом французских конных егерей, которые принялись его преследовать; одному из них удалось ухватиться за край шинели Давыдова, но к его счастью шинель расстегнулась и осталась в руках француза. Поскакав что было сил, Давыдов попал в болото и спасся только благодаря выскочившим из соседнего леса казакам.

После этого первого боевого опыта Давыдов участвовал в ряде сражений. От Вольфсдорфа он отступал к Прейсиш-Эйлау в арьергарде, в который теперь превратился бывший авангард Багратиона, участвовал в знаменитой битве у Прейсиш-Эйлау и в других боях и находился в Тильзите при свидании императоров Александра I и Наполеона и при заключении мира 8 июля 1807 г.

Давыдов не сочувствовал заключению Тильзитского мира. Вспоминая о том, какое впечатление произвело на него известие о предполагавшихся мирных переговорах, он писал: «Нет, не могу выразить, что произвело во мне это известие!.. Я ничего не видал, я ничего не чувствовал другого, кроме срама приступить к миру без отщепенения за Фридланд, и из себя выходил от негодования, как будто на меня лично обрушилась обязанность отвечать отечеству за оскорбление его славы и чести». Эта национальная гордость Давыдова проявилась и в следующих его словах: «Когда вспомнишь об этой тяжелой эпохе, продолжавшейся пять лет сряду (т. е. о времени от заключения Тильзитского мира до 1812 г. — *М. Р.*), и тут же взглянешь на Россию и увидишь, что она теперь, и представляешь себе все то, что она совершила без помощи, без подпоры доброжелателей и союзников, одна сама собою, собственным духом, собственными усилиями, — тогда, не краснея, говоришь и об Аустерлице, и о Фридланде... о всех этих кашлях, упавших в океан событий 1812 года, — тогда гордо подымаешь голову и мыслишь: я русский».

После заключения Тильзитского мира, награжденный орденами, золотой саблей с надписью «за храбрость» и золотым крестом за сражение при Прейсиш-Эйлау, Давыдов возвратился в Петербург, а затем поехал в Москву.

Вслед за тем он участвовал в войнах со Швецией

1808—1809 гг. и с Турцией, где отличился при взятии крепости Силистрии и при блокаде Шумлы.

Но особенно выдающуюся роль Давыдов сыграл во время Отечественной войны 1812 г., когда его «веселые и залетные» партизанские подвиги вознесли его на вершину славы. «Я врубил имя свое в 1812 год», — писал Давыдов, и писал справедливо.

Совершив с русской армией поход за границу, Давыдов в 1814 г. возвратился из Парижа в Москву. Некоторое время служил, а в 1823 г. вышел в отставку.

У него было большое желание принять участие в кавказских войнах, и Ермолов, бывший в то время главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом и высоко ценивший военные заслуги и способности Давыдова, неоднократно делал представления Александру I о назначении его начальником пограничной Кавказской линии. Однако Ермолову¹ было категорически отказано в его просьбах. Глубоко огорченный этим Давыдов писал: «Неужели вечный приговор мой уже подписан? Неужели не явлюсь еще в полях войной гремящих?»

Позднее он участвовал в русско-иранской войне 1826—1828 гг. и в польской кампании 1831 г. За исключением этих нескольких лет он с 1823 г. до своей смерти, последовавшей в мае 1839 г., жил в деревне или в Москве.

Давыдов писал о себе в своей автобиографии: «Мир и спокойствие — и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но повеет войною — и он уже тут, торчит среди битв, как казачья пика».

Принужденный бездействовать и жить вне своей родной стихии — войны, Давыдов всецело отдался литературной деятельности. «Не позволяют драться, — писал он, — я принялся описывать, как дрались».

Денис Давыдов — автор небольшого количества стихотворных произведений и ряда записок, посвященных главным образом военным вопросам.

Давыдов оставил нам стихотворения, посвященные событиям войны и отразившие чувства его пламенной любви к Родине, любви, которая владела всем его существом.

...За тебя на чорта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французшки гнилые
К нам пожалуют назад!.

¹ Давыдов был двоюродным братом Ермолова.

воскликает он в своем стихотворении «Песня». В стихотворении «Ответ», которое начинается словами: «Я не поэт, я — партизан, казак», он пишет:

...Нет, не наезднику пристало
Петь, в креслах развальясь, — день, негу и покой...
Пусть грянет Русь военною грозой —
Я в этой песне запеваю!

Своим партизанским действиям в войне 1812 г. Давыдов посвятил стихотворение «Партизан». В стихотворении «Бородинское поле», написанном в 1829 г., он вспоминает об этом великом героическом дне:

Умолкшие холмы, дол некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день, день вековечной славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!..

Поэтический талант Давыдова был высоко оценен как его литературными друзьями и современниками, так и европейской и русской литературной критикой.

Баратынский в стихотворении, посвященном Давыдову, писал:

...О, ты, который в дым сражений
Полки лихие бурно мчал
И гласом пылких песнопений
Сердца томил и волновал!

Пушкин, очень высоко ценивший Давыдова и как поэта и как человека, писал в 1821 г.:

...Я слушаю тебя — и сердцем молодею,
Мне сладок жар твоих речей.
Поверь, я снова пламенею
Вспоминаньем прежних дней.

Денис Давыдов был не только героем и поэтом, он был также серьезным и глубоким теоретиком по вопросам военной тактики и военной теории. Им был выпущен в свет труд, называвшийся «Опыт теории партизанского действия». В этом сочинении Давыдов, описав партизанское движение в европейских войнах начиная с XVII века, доказывал пользу партизанской войны, особенно в России, и излагал правила партизанских действий. Превосходное знание военной истории и собственный богатый опыт в партизанской войне способствовали тому, что «Опыт теории партизанского действия» сделал Давыдова одним из выдающихся военных писателей его времени. Пушкин, прочитав «Устав наездника», как он называл «Опыт теории

партизанского действия», послал Давыдову стихотворение, в котором отмечал оригинальность его литературного стиля:

...Узнал я резкие черты
Неподражаемого слога...

Давыдову принадлежит очень интересная статья, напечатанная впервые в 1825 г. под названием «Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона». Статья эта заключается в опровержении утверждений Наполеона, будто бы: 1) «Ни один больной, ни один отстранившийся, ни одна эстафета, ни один подвоз не были взяты в течение сей кампании от Майнца до Москвы. Не проходило дня без получения известия из Франции; не проходило дня без того, чтобы Париж не получал писем из армии». 2) «Во время движения на Москву он никогда не имел в тылу своем неприятеля. Во время двадцатидневного пребывания его в сей столице ни одна эстафета, ни один подвоз с зарядами не были перехвачены, ни один почтовый укрепленный дом (таковой находился на каждом посту) не был атакован; артиллерийские подвозы и военные экипажи дошли беспрепятственно». 3) «Во время Аустерлицкой, Иенской, Фридрихсбургской и Московской кампаний ни одна эстафета не была перехвачена, ни один обоз с больными не был взят; не проходило ни одного дня, чтобы главная квартира не получала известия из Парижа».

Такое отрицание Наполеоном каких-либо результатов партизанских действий, естественно, задело за живое Давыдова, действовавшего со своим партизанским отрядом в тылу наполеоновской армии, отбившего у неприятеля не один обоз и взявшего не одну сотню пленных. «В воле Наполеона, — пишет он, — налагать, в числе прочих, и на меня проклятие за пролитую кровь его воинов; но не отрицай он у меня дел моих...»

В статье Давыдов ссылался отчасти на свои воспоминания, отчасти на французские источники, главным образом на донесения командовавших частями французской армии генералов и на приказы самого Наполеона, из которых видно, как беспокоили французскую армию постоянно нападавшие на нее партизанские отряды.

В статье указывается, что партизанское движение было очень широко распространено на занятой неприятелем территории России, что оно нанесло армии Наполеона огромный вред и этим способствовало ее поражению. Отметив, что первое крупное нападение на тыл французской армии было

совершено им в Царево-Займище 2 сентября, в день вступления Наполеона в Москву, Денис Давыдов перечисляет партизанские отряды Дорохова и Сеславина, действовавшие между Смоленской и Боровской дорогами по направлению к Вязьме, отряд Вадбольского, развернувший свои действия между Вереей и Можайском, свою партию, надававшую на французские войска между Гжатском и Дорогобужем, и другие партизанские отряды, которые «дневно и ночью» тревожили неприятельскую армию. Он обращает также внимание на то, что движение русской армии под начальством Кутузова с Рязанской дороги на Калужскую вскоре после занятия Наполеоном Москвы поставило в угрожающее положение снабжение французской армии.

Денис Давыдов в заключение пишет: «Нет, не ненависть, но любовь к истине водила пером моим; впрочем, я ничего не сочинял, а подводил статьи, противуречащие некоторым статьям, помещенным в записках Наполеона, писанных наобум, наскоро и без документов».

Изложенные нами произведения Давыдова имели в свое время большое значение, так как впервые показали огромную роль, которую сыграло партизанское движение в Отечественной войне 1812 г.

В сочинении «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?» Давыдов неопровержимо доказывает, что ссылка на морозы, как на основную причину гибели французских войск, не имеет никаких оснований. Сильные морозы начались в то время, когда армия Наполеона прошла Березину, т. е. тогда, когда она представляла собой остатки некогда великой армии. В период же отступления французских войск от Москвы до Березины морозов в сущности не было, и причины превращения армии в жалкую толпу голодных людей совершенно иные. Поражение Наполеона произошло «посредством... глубоких соображений Кутузова, мужества и трудов войск наших и неусыпности и отваги легкой нашей конницы». Россия достигла победы «без всяких иных союзников, кроме оскорбленной народной гордости и пламенной любви к отечеству».

Значительный интерес представляют воспоминания Давыдова, посвященные военным эпизодам его жизни. Таковы «Урок сорванцу», в котором он описывает свое удачество в деле при Вольфсдорфе; «Воспоминания о сражении при Фрейсиг-Эйлау»; «Тильзит в 1807 году» — рассказ, посвященный описанию встречи Александра I с

Наполеоном и описанию внешности и манер Наполеона; «Воспоминания о Кульнев в Финляндии», относящиеся к войне со Швецией 1808—1809 гг.; «Занятие Дрездена в 1813 г.» и другие.

В «Воспоминаниях о сражении при Прейсиш-Эйлау» Давыдов дает незабываемую картину боя. Описывая момент, когда французский корпус под командованием Ожеро неожиданно оказался перед центральной русской батареей, Давыдов дает такое яркое изображение кровопролитной битвы: «Семьдесят жерл рыгнули адом, и град картечи зазвенел по железу ружей, застучал по живой громаде костей и мяса. В одно мгновение Московский гренадерский, Шлиссельбургский пехотный и пехотная бригада генерала Сомова, склоня штыки, ринулись на него с жадностью. Французы всколыхнулись; но, ободрясь, они поставили штыки штыкам и стали грудью. Произошла схватка, дотоле невиданная. Более двадцати тысяч человек с обеих сторон вонзали трехгранные оружия друг в друга. Толпы валились... Груды мертвых тел осыпались свежими грудями; люди падали одни на других сотнями, так что вся эта часть поля сражения вскоре уподобилась высокому парапету вдруг воздвигнутого укрепления. Наконец *наша взяла!*» Когда после этого три дивизии французов с конной гвардией ударили на русские полки, преследовавшие корпус Ожеро, «загудело поле, и снег, взрываемый 12 тысячами сплоченных всадников, поднялся и завился из под них, как вихрь из под громовой тучи... Французская кавалерия все смяла, все затоптала, прорвала первую линию армии и в бурном порыве достигла второй линии и резерва, но тут разбился о скалу напор волн ее. Вторая линия и резерв устояли, не поколебавшись, и густым ружейным и батарейным огнем обратили вспять нахлынувшую громаду».

Боевые подвиги партизанского отряда Дениса Давыдова в Отечественной войне 1812 г. описаны в его «Дневнике партизанских действий».

Характерной чертой воспоминаний Давыдова является их искренность. Описывая партизанские действия или другие события своей жизни, Давыдов нередко останавливается на своих ошибках и правдиво о них говорит. Так, например, он рассказывает, как 12 сентября 1812 г., на другой день после удачного нападения на французский транспорт, шедший от Гжатска по направлению к Вязме, когда отряд Давыдова отошел в Дубраву, туда приехали

юхновский дворянский предводитель и курьер из главной квартиры, привезшие рескрипт на имя Давыдова и много писем, в которых Давыдова осыпали всяческими похвалами.

13 и 14 сентября отряд праздновал награждения. «Слишком рано вздумали, — писал Давыдов, — отдыхать на незрелых лаврах». Вследствие такого настроения отряд, находясь в селе Лосмино, чуть было не был разгромлен напавшим врасплох вчетверо более сильным неприятелем.

II

В 1812 г., когда, по выражению Давыдова, «туча бедствий налегла на отечество, и каждый сын его обязан был платить ему наличными сведениями и способностями», Давыдов, бывший в то время адъютантом Багратиона, по собственной просьбе был назначен подполковником в Ахтырский гусарский полк.

После участия в нескольких сражениях Давыдов обратился к Багратиону с просьбой дать ему возможность организовать партизанский отряд.

За несколько дней до Бородинского сражения Багратион призвал к себе Давыдова, и тот изложил ему план партизанских действий, показав выгоды организации партизанских отрядов, выгоды, заключающиеся, с одной стороны, в истреблении боевых и продовольственных запасов неприятеля, а с другой стороны, в помощи крестьянам в их борьбе с врагом, занимавшим русские села и деревни. Эта борьба крестьян, начатая в Белоруссии, к моменту Бородинской битвы стала распространяться и на великорусские губернии. «...Обратное появление наших посреди рассеянных от войны поселян, — сказал Давыдов Багратиону, — ободрит их и обратит войсковую войну в войну народную». Этими словами Давыдов показал, что он уже в это время ясно понимал, какое огромное значение имеет в войне борьба народа в тылу врага.

На основании просьбы Багратиона Кутузов согласился дать Давыдову для начала 50 гусар и 150 казаков. В инструкции, данной Давыдову Багратионом 22 августа (3 сентября) 1812 г., говорилось: «Предписываю Вам употребить все меры беспокоить неприятеля со стороны нашего левого фланга и стараться забирать его фуражиров., расстраивать его обозы, парки, ломать переправы и отни-

мать все способы». Тут же Багратион дал Давыдову карту Смоленской губернии.

Начало действий партизанского отряда Давыдова было отложено на несколько дней, потому что Давыдов принял участие в Бородинском сражении. После боя, получив 50 гусар и 80 казаков, Давыдов с этой небольшой партией начал партизанскую борьбу.

В это время французская армия двигалась к Москве и несла с собой насилие над мирным населением и разорение и опустошение русским селам и деревням. «Вся эта сволочь, — рассказывает Давыдов, — пользуясь безначалием, преступала все меры насилия и неистовства. Пожар разливался по сей широкой черте опустошения, и целые волости с остатком своего имущества бежали от сей всепожирающей лавы...» Наступление врага вызывало отпор со стороны крестьянских масс, и уже в это время, до вступления Наполеона в Москву, народная война — «общее и добровольное ополчение поселян» — достигла значительных размеров. «В каждом селении ворота были запорты; при них стоял стар и млад с вилами, кольями, топорами и некоторые из них с огнестрельным оружием».

Бывали случаи, когда крестьяне принимали отряд Давыдова за французов и намеревались оказывать ему сопротивление. Когда же дело разъяснялось, крестьяне подносили партизанам хлеб, пиво, пироги. На вопрос Давыдова «Отчего вы полагали нас французами?», крестьяне отвечали: «Да вишь, родимый, это, бают, на их одежду схожо». Поэтому Давыдов стал отпускать бороду и надел крестьянский кафтан. Позднее, после переправы остатков французской армии через Березину, Давыдов явился в штаб Кутузова в Вильно. Костюм Давыдова обратил на себя всеобщее внимание: он был «в черном чекмене, в красных шароварах, с круглою и курчавою бородою и черкесскою шашкою на бедре».

Положение партизанского отряда из-за его малочисленности было очень опасным. Необходимо было принять предосторожности. Давыдов разместил свой отряд в селе Скугорево, расположенном на высоте, прилегавшей к большому лесу, за которым находилась Медынь. Отсюда в первые 10 дней своего существования отряд совершал нападения на транспорты противника.

2 сентября, как раз в день вступления Наполеона в Москву, отряд дважды совершил нападение на шайки французских мародеров, пришедших в село Токарево.

Нападение партизан было очень удачным: маленький отряд в 130 человек в первый раз взял 90 и во второй — 70 пленных и захватил вражеский обоз с ограбленным имуществом жителей.

Сейчас же после дела у Токарева Давыдов с 20 гусарами и 70 казаками неожиданно напал на французский транспорт в Царево-Займище, взяв 119 пленных, 10 провиантских фур и фуру с патронами и обратив в бегство остальных французских солдат. Это нападение на Царево-Займище было чудом храбрости и решительности: меньше сотни человек напало на далеко превосходившие их силы и обратили их в бегство, заставив бросить обоз!

За первый период своей деятельности маленький отряд Давыдова взял в общей сложности 370 пленных, отбил фуру со снарядами, 10 фур с провиантом и освободил 200 русских пленных. «Кто не выручал своих пленных из-под ига неприятеля, — писал Давыдов, — тот не видал и не чувствовал истинной радости!»

С 8 сентября начинается новый период в действиях отряда. Давыдов начал пополнять свой отряд и довел его численность до 300 человек кавалерии, не считая пехоты, добившись в дальнейшем присоединения к отряду двух казачьих полков. Прибыв в Юхнов 8 сентября, Давыдов впервые узнал о занятии Москвы Наполеоном. Это известие произвело сильное впечатление на него и его соратников: «...весть сия не могла не потрясти душу, и, сказать правду, я и товарищи мои при первых словах очень позадумались! Однако, так как все мы были *неунылого десятка*, то и начали расспрашивать... о подробностях». Узнав о пожаре Москвы и о движении русской армии к Калужской дороге, Давыдов, по его словам, «предсказал спасение отечества», которое видел в заграждении французской армии отступления по Калужской дороге.

Давыдов был чрезвычайно доволен увеличением численности своего отряда. «...я командовал тремястами всадников, — восклицает он, — какая разница! какая надежда!» Первым подвигом увеличенного отряда было нападение на французов под Вязьмой. Атаковав около города неприятельский отряд, прикрывавший транспорт, партизаны взяли 276 пленных, 20 подвод с провиантом и 12 артиллерийских палубов с снарядами, так что вооружения хватило на 500 человек; до 100 французов было убито. В этом же районе Вязьмы—Гжатска однажды было отбито 40 про-

виантских фур, 36 артиллерийских палубов, 200 лошадей, 144 вола, 400 пленных русских и взято в плен больше 900 французов.

К концу сентября отряд Давыдова пополнился казачьим полком Попова и вырос до 700 человек кавалерии, не считая пехоты.

Действия партизанского отряда Давыдова между Вязмой и Гжатском причиняли французам столько вреда, что уже в середине сентября французским губернатором Смоленской губернии был организован сильный отряд в 2 тысячи человек конных, имевший специальное назначение очистить от набегов Давыдова пространство между Вязмой и Гжатском. Самого Давыдова приказано было взять живым или мертвым. Последний эпизод борьбы с этим отрядом описан Давыдовым следующим образом: «Вся партия построилась в боевой порядок и пустилась на неприятеля, построенного в три линии, одна позади другой. Первая линия при первом ударе была опрокинута на вторую, а вторая — на третью. Все обратилось в бегство... Погоня продолжалась до полудня, кололи, рубили, стреляли и тащили в плен офицеров, солдат и лошадей; словом, победа была совершенная. Я кипел радостью!» Храбрость и успехи отряда Давыдова вызвали одобрение главнокомандующего Кутузова, который в рапорте Александру I писал: «Ахтырского гусарского полка подполковник Давыдов с 150 человек легкой кавалерии уже давно живет посреди неприятеля между Гжатска и Можайска и удачно действует для преграждения неприятельских коммуникаций». Самому же Давыдову Кутузов писал: «Остаюсь в полном увереннии, что Вы, продолжая действовать к вящему вреду неприятеля, истребляя его конвои, сделаете себе прочную репутацию партизана».

Между тем Наполеон начал отступление из Москвы. Он попытался отходить по Калужской дороге, окрестности которой не были разорены и поэтому могли предоставить французской армии продовольствие и фураж, но путь Наполеону был прегражден маневром Кутузова, оттеснившим французскую армию к разоренной Смоленской дороге.

Во время этого отступления Давыдов хотя и знал, что он со своим небольшим отрядом не может напасть на всю французскую армию, все же по мере сил старался нанести ей урон. «...во время сего перехода я успел, задравая и отражая неприятельскую кавалерию, взять в плен с бою сто восемьдесят человек и двух офицеров и до

самого вечера конвоировал императора французов и протектора Рейнского союза с приличной почестью».

Вслед за отрядом Давыдова был организован целый ряд партизанских групп, а к началу октября 1812 г. партизанское движение широко охватило территорию, занятую неприятельскими войсками.

Партизанские отряды своими нападениями постоянно расстраивали тыл французской армии и доносили командованию русской армии с местонахождении французских частей. В окрестностях Москвы действовал отряд Фигнера. В то время когда армия Наполеона находилась в Москве, Фигнер, переодевшись, пробирался в город, собирая сведения о неприятельском войске. При Тарутине он, переодетый во французский мундир, неоднократно проникал в неприятельский лагерь и собирал сведения о его расположении. Л. Н. Толстой в «Войне и мире» изобразил Фигнера в лице Долохова и между прочим описал случай посещения Фигнером неприятельского стана под видом французского офицера.

Из действий партизанских отрядов обращает на себя внимание взятие в конце сентября города Вереи отрядом генерала Дорохова. Город был сильно укреплен, но, несмотря на это, вестфальцы, занимавшие Верею, застигнутые врасплох, принуждены были отойти, оставив около 400 пленных и знамя. Принужден был также отступить и неприятельский отряд, шедший на помощь вестфальцам из Можайска. В эпизоде занятия Вереи интересно, что по призыву Дорохова в город прибыло до тысячи вооруженных крестьян. Кроме партизанских отрядов Сеславина, Вадбольского, Кудашева, Энгельгардта и других, кроме ряда отрядов, разосланных по разным направлениям генералом Винценгероде, действовали значительные партизанские группы, организованные крестьянами сел и деревень, расположенных по пути движения французской армии. Крестьянин Герасим Курин из села Павлово Богородского уезда организовал многочисленный отряд, действовавший в этом уезде. Известна старостиха Василиса Кожина, собравшая партизанскую партию в Смоленской губернии. Отряды организовывались также рядовыми солдатами русской армии. Таков был отряд солдата пехотного Московского полка Степана Еременко, бежавшего из французского плена и ставшего во главе партии в 300 человек.

Нередко партизанские отряды, нападая на многочисленные французские части, объединялись для совместных

действий. Благодаря этому партизаны достигали огромных результатов, нанося неприятельской армии весьма чувствительные удары. Одним из таких боевых дел объединенных партизанских отрядов был знаменитый бой у Ляхово. Вскоре после отступления французской армии из Москвы отряд Давыдова соединился с отрядами партизан Сеславина и Фигнера. Совместно с этими отрядами, а также с отрядом Орлова-Денисова Давыдов напал на село Ляхово, в котором стояло 2 тысячи человек пехоты и некоторое количество кавалерии под командой маршала Ожеро. Решительными действиями партизаны заставили французов сдаться. Это была очень крупная победа; Кутузов писал о ней: «Победа тем более знаменитая, что в первый раз в продолжение нынешней кампании неприятельский корпус положил пред нами оружие».

Условия быта партизан были суровые. Спать обычно ложились с наступлением сумерек, вставали в полночь, обедали в два часа ночи и в три часа выступали в поход. Квартирой и кроватью Давыдову служили пошевни.

«Сборы, по словам Давыдова, никогда не были продолжительны: взнуздай, садись, пошел». И эта суровая трудная жизнь оставила у Давыдова самые лучшие воспоминания. «Кочевье на соломе под крышею неба! — восклицает он. — Вседневная встреча со смертию! Неугомонная, злетная жизнь партизанская! Вспоминаю о вас с любовью...» В стихотворении «Партизан» Давыдов так описал себя и свой отряд:

Умолкнул бой. Ночная тень
Москвы окрестность покрывает;
Вдали Кутузова курень
Один, как звездочка, сверкает.
Громада войск во тьме кипит,
И над пылающей Москвою
Багрово зарево лежит
Необозримой полосою.
И мчится тайною тропой
Воспрянувший с долины битвы
Наездников веселый рой
На отдаленные ловитвы...
Начальник в бурке на плечах,
В косматой шапке кабардинской
Горит в передовых рядах
Особой яростью воинской...

Среди других многочисленных нападений отряда Давыдова на части отступавшей французской армии обращает на себя внимание нападение на кавалерийское депо около

Копыса во время переправы его через Днепр. Отряд неприятеля был вшестеро сильнее отряда Давыдова, и последнему это было известно. Блестящая удача сражения зависела от остроумного плана напасть на неприятеля в тот момент, когда половина депо уже переправилась на противоположный берег Днепра. Напав и обратив в бегство ту часть французского отряда, которая еще не успела переправиться, партизаны пустились вплавь через реку за остатками вражеского депо, которое было окончательно разгромлено.

Давыдовым и его отрядом было выполнено затем важное поручение занять Гродно. Партизаны вступили в город в результате переговоров с начальником австрийского отряда, занимавшего город.

Славные подвиги партизана Дениса Давыдова создали ему и у современников и у потомков заслуженное звание героя Отечественной войны.

Мужество, доблесть и беззаветная любовь к Родине, выдающиеся способности организатора и военного деятеля определили размах и успех действий Давыдова и его партизанского отряда.

Не только сам Денис Давыдов и его отряд в целом, но и каждый отдельный член этого отряда были проникнуты чувствами преданности и горячей любви к отечеству, ненавистью к врагу, стремлением пожертвовать жизнью для счастья своей родной страны, — и в этом был залог успеха боевых партизанских действий отряда Давыдова.

Денис Давыдов был связан со своими воинами, по его собственному выражению, тесными узами «кровного братства». Когда после взятия Дрездена ему поневоле пришлось расстаться со своими соратниками, он был глубоко огорчен и так описал и свое волнение и волнение товарищей: «Кто когда-нибудь отрываем был от подчиненных своих, с которыми так долго разделял он и голод, и холод, и радости, и горе, и труды, и опасности, — тот поймет волнения души моей при передаче моей партии во власть другого. От Бородинского сражения до вступления в Дрезден я сочитал свою судьбу с ее судьбою, мою жизнь с ее жизнью. Я расставался уже не с подчиненными: я оставил сына в каждом гусаре, в каждом казаке, друга — в каждом чиновнике... О, как черствый сухарь на биваке, запах жженого пороха и купель кровавая роднят людей между собою! Пятьсот человек рыдало, провожая меня».

В «Дневнике партизанских действий» Давыдов неоднократно останавливает внимание читателя на боевых качествах, храбрости, доблести и бескорыстии своего отряда.

В сентябре 1812 г., во время действий партизан Давыдова между Гжатском и Вязьмой, отряд напал на одно селение с целью отбить русских пленных, находившихся под сильной охраной. В описании этого эпизода Давыдов особенно ярко изобразил самоотверженное мужество своих товарищей. Пехота его, пробравшись ложиной к селу и бросившись в него, неожиданно попала в середину французского батальона. «Герои! — восклицает Давыдов. — Они опирались брат на брата и штыками пробили себе путь к Бугскому полку, который подал им руку. В пять минут боя из шестидесяти человек тридцать пять легло на месте или было смертельно ранено... Кипя мщением, я вызвал охотников зажечь избы, в коих засел неприятель... Первыми на то отважились оставшиеся мои двадцать пять героев!»

В другом месте Давыдов пишет: «Я ехал рысью и клянусь честью, что пехотинцы мои не только от меня не отставали, но несколько человек из них даже опередили меня. Такова была алчность их к битвам».

Ближайшим помощником Давыдова был майор, потом подполковник Степан Храповицкий, человек «отличнейших военных дарований» и испытанной храбрости, участвовавший в первых рядах во всех предприятиях Давыдова, с которым, по словам Давыдова, он заключил союз «кровного братства — родившегося от непрерывного товарищества, сочувствия и обязательств взаимных пожертвований жизни и поныне сохраняемого воспоминаниями... воспоминаниями святых и чудесных событий, с коими слилось наше братское чувство».

Среди соратников Давыдова удалью и предприимчивостью выделялся ротмистр Чеченский, командир 1-го Бугского казачьего полка, черкес по национальности. В рапорте о взятии Дрездена Давыдов писал: «Ротмистр Чеченский, командующий 1-м Бугским казачьим полком, отличился: это его привычка». Действительно, в дрезденском деле Чеченский сыграл выдающуюся роль: его отряд раньше других подошел к городу, и он целый день с кучкой в 50 человек выдерживал обстрел неприятеля, не отступил ни на шаг и добился того, что испуганный бургомистр обратился к нему с просьбой о пощаде города. В одном из эпизодов партизанской войны Чеченский

проявил особенную удачу: в нужный момент он спешил своих казаков и, пробравшись лесом, ударил на неприятеля в дротики, чем обеспечил захват большого французского транспорта.

Замечательной личностью был урядник Крючков, о котором Давыдов писал: «Иловайского 10-го полка урядник Крючков — молодой парень, ездок отличный и неутомимый, храбрости чистой, сметливости черкесской». Однажды Крючков совершил чрезвычайно отважный поступок, увеличивший и без того большое уважение к нему товарищей. Дело было так. В то время как для преследования отряда Давыдова был организован специальный французский отряд, к Давыдову в село Покровское, где он стоял со своей партией, пришел крестьянин и сообщил, что видел пехотного солдата, бежавшего из транспорта русских пленных. Давыдову было необходимо повидать этого солдата, чтобы, узнав о местонахождении транспорта, отбить его у французов. С этой целью в находившееся неподалеку село Никольское, где ночевал этот солдат, был послан с пришедшим крестьянином Крючков. Подъехав к Никольскому, Крючков от встречного прохожего узнал, что в село вошла шайка французских мародеров. Крючков надел на себя крестьянский кафтан, пробрался в село, наполненное французами, разыскал солдата и привел его в лагерь Давыдова.

Почти в начале партизанской деятельности Дениса Давыдова в его отряд вступил крестьянин Федор из Царево-Займища. «Этот удалец, — рассказывает о нем Давыдов, — оставя жену и детей, скрывшихся в лесах, находился при мне до изгнания неприятеля из Смоленской губернии и только после освобождения оной возвратился на свое пепелище».

Привязанность Давыдова к Федору показывает тот факт, что, возвращаясь в 1814 г. из Парижа, он нарочно остановился в Царево-Займище, для того чтобы повидать своего «храброго товарища». Но к этому времени Федора уже не было в живых.

Одну из задач партизанских отрядов Давыдов видел в помощи крестьянским массам, самоотверженно боровшимся со свирепым неприятелем. Отсюда — тесная связь Давыдова с крестьянским населением тех районов, в которых он действовал, и взаимная помощь обеих сторон в борьбе с французскими полчищами.

После первого же успешного нападения партизан Давы-

дова на французских мародеров в селе Токарево Давыдов вступил в союз с крестьянами этого села, собрал мирскую сходку, роздал крестьянам оружие и указал им правила борьбы с французскими отрядами, нападавшими на селения и грабившими их. Инструкция эта заключалась в следующем: при приходе французов крестьяне должны были принять их дружелюбно, накормить, напоить до опьянения, уложить спать и затем, захватив их оружие, убить сонных и потом тщательно скрыть следы происшествия на случай прихода другой партии французов. Старосте в инструкции особо предписывалось держать у себя наготове трех-четырех парней, которые в случае нападения на село многочисленного французского отряда садились бы на лошадей и скакали в разные стороны в поисках отряда Давыдова. В заключение Давыдов предлагал крестьянам пересказывать его «наставления» соседям. Сам же Давыдов и его товарищи широко распространяли эту инструкцию среди крестьян тех сел и деревень, через которые им случалось следовать.

Сношения отряда с крестьянами были тесными и постоянными: Давыдов посылал разведчиков из крестьян, крестьяне по собственной инициативе приходили или приезжали верхом в его лагерь с донесениями о расположении французских отрядов и приводили в лагерь Давыдова взятых ими в плен французов.

Однажды, когда Давыдов стоял в селе Спасском, туда было приведено несколько французских пленных, среди которых был обнаружен один русский гренадер; как выяснилось при допросе, он служил во французской армии. Пораженный этим обстоятельством, Давыдов велел собрать в Спасское жителей окрестных деревень — «старых и молодых, баб и детей», и, рассказав им о случившемся, предоставил им решить участь изменника родины, который, по общему мнению, был признан достойным смертной казни. И в этом случае, как и во многих других, Давыдов показал, что он действовал в контакте с крестьянской массой и дорожил ее мнением.

Другой подобный же случай произошел несколько позднее у Дорогобужа. Окрестные крестьяне пришли к Давыдову с жалобой на помещика Масленникова, который, вступив в сделку с французами, грабил вместе с ними население. По этой жалобе Масленников в присутствии крестьян был телесно наказан Давыдовым.

Единение и тесное содружество Давыдова с крестьян

ской массой хорошо изображены в стихотворении Федора Глинки «Партизан Давыдов».

...Идет за шумными французскими полками
И ловит их как рыб — без невода, руками...
Его постель — земля; а лес дремучий — дом;
И часто он с толпой башкир и с казаками,
И с кучей мужиков и конных русских таб...
Как вихорь, как пожар, на пушки, на обозы,
И в ночь, как домовый, тревожит вражий стан!.

С конца декабря 1812 г. партизанский отряд Давыдова вошел в состав главного авангарда армии, перешедшего русскую границу под начальством генерала Винценгероде.

Героизм русской армии, ее стойкость и мужество, гениальный план кампании, мощь народного движения, блестящие подвиги партизанских отрядов, чувство ненависти к врагу и горячей любви к Родине, охватившее все классы населения, привели к бегству и полному разгрому первой в мире, знаменитой «великой» армии Наполеона.

И в этом разгроме Денису Давыдову и его партизанам принадлежит видное и почетное место.

Давыдов так писал о своей роли в Отечественной войне 1812 г.: «...я считаю себя рожденным единственно для рокового 1812 года, — но рожденным подобно тому рядовому солдату, который в дыму и в сумятице Бородинской битвы, стреляя наудачу, убил десяток французов. Как ни мало употребил он на то знания и дарования, при всем том судьба определила его уменьшить неприятельскую армию десятью человеками и содействовать общему ее истреблению своим товарищам.

Так я думаю о себе, уменьшив неприятельскую армию по мере способов, предоставленных мне начальством, и способностей, данных мне природою».

Славная деятельность Дениса Давыдова была по заслугам оценена лучшей частью современного ему русского общества. Стихотворения ему посвящали Пушкин, Жуковский, Баратынский, Вяземский и другие крупные русские поэты. Одно из стихотворений Пушкина, начинающееся словами: «Тебе, певцу, тебе, герою!», было написано при посылке Давыдову «Истории Пугачевского бунта».

Языков посвятил Денису Давыдову следующее стихотворение:

Славы звучной и прекрасной
Два венка ты заслужил!
Зять Суворов не напрасно

Грудь твою перекрестил;
 Не ошибся он в дитяти;
 Вырос ты и полетел,
 Полон всякой благодати,
 Под знамена русской рати
 Горд и радостен и смел.
 Грудь твоя горит звездами:
 Ты геройски добыл их
 В жарких схватках со врагами,
 В ратоборствах роковых...

 Много в этот год кровавый,
 В эту смертную борьбу
 У врагов ты отнял славы,
 Ты — боец чернокудрявый
 С белым локоном на лбу!

Это стихотворение вызвало восторженный отзыв Пушкина: «Послание к Давыдову, — писал он Языкову, — прелесть!»

После смерти Давыдова Вяземский посвятил ему длинное стихотворение, в котором вспоминает его рассказы о сражениях в Финляндии, о Кавказе и

...Про год, запечатленный кровью,
 Когда, под заревом Кремля,
 пылая мстью и любовью,
 Восстала Русская земля,
 Когда, принеши безусловно
 Все жертвы на алтарь родной, —
 Единодушно, поголовно
 Народ пошел на смертный бой...

Партизанские действия Дениса Давыдова были известны не только в России. Вальтер Скотт в своем произведении о Наполеоне выражал чувство удовлетворения перед смелыми подвигами Давыдова, оказавшими Родине огромные услуги, и в кабинете этого знаменитого английского романиста висел портрет славного русского партизана.

Позднее Лев Николаевич Толстой в «Войне и мире» изобразил Давыдова в привлекательном образе Денисова.

И мы, современники великой Отечественной войны, когда доблестная Красная Армия и весь великий советский народ мужественно отражают нападение наглого врага, вторгшегося в пределы нашей родной страны, высоко ценим подвиги Дениса Давыдова и его соратников и воздаем должное этим героям, заслужившим бессмертную славу и вечную благодарность своего народа.

Через сто с небольшим лет, в эпоху гражданской войны (1918—1920 гг.), славные советские партизанские отряды вели героическую борьбу за независимость России против бесчисленных интервенционных отрядов и кровавой военной оккупации немецкой армии. В союзе с Красной Армией партизанское движение Великороссии, Украины, Поволжья, Кавказа, Белоруссии, Севера, Сибири сломало врагов, со всех сторон ополчившихся на Русь.

Восемь месяцев идет ожесточенная борьба партизан сегодняшнего дня, правнуков партизан 1812 г., детей партизан 1918—1920 гг., с разбойничьим хозяйничаньем гитлеровских орд на территории той же Украины, Белоруссии, Крыма и Дона. Ежедневно сводки Совинформбюро сообщают о ярких подвигах народных мстителей.

Теперь, когда на борьбу с немецко-фашистскими оккупантами поднялся весь советский народ, когда советские партизаны современной Отечественной войны вписали не одну славную страницу в историю борьбы русского народа с интервентами и захватчиками, когда партизаны в тылу немецко-фашистских войск, связанные с народом, истребляют гитлеровские банды, проявляя сметку, отвагу и готовность жертвовать жизнью для счастья Родины, — образ Дениса Давыдова, великого борца за русскую землю, особенно живо встает в памяти народа, благодарность которого он заслужил своими славными подвигами и преданностью родной стране.

Под редакцией профессора *А. И. Яковлева*

Подписано в печать 2 марта 1942 г. Л21658. Тираж 200 000 экз. Объем 1 $\frac{3}{4}$ печ. лист.
Уч.-изд. л. 1,5. 38 000 зн. в 1 п. л. Цена 30 коп. Заказ № 340.

Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкинг». Москва, Валовая, 28.

16